Сергей Спирихин

РУКОВОДСТВО ПО РИСОВАНИЮ ЗИМНИХ ПЕЙЗАЖЕЙ.

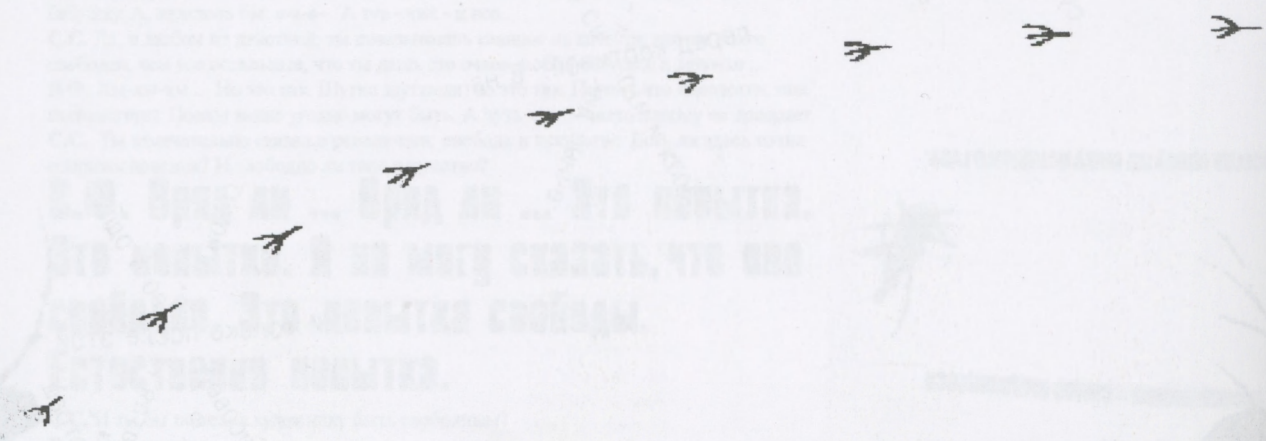
Инге Нагель.

1.

С октября месяца по май может длиться на нашей широте эпоха зимы и с нею ее живописаний. Мифология южных народов - и африканских и австралийских - представляет зиму как напасть, как болезнь мира, как соскальзывание природы в пустоту, в смерть, в сон и в испуг.

Действительно, все живое и трепещущее умирает, исчезает в тихую заснеженность, в пустой звук. Все кончено. Но для художника тут-то и начинается работа!

Снег. Ведь это, надо заметить, звезды! У них есть ось симметрии! Они, представим себе, сверкают! Их - миллиарды и миллиарды штучек! Есть лучи! Центр! Они рождаются во время нуля! Они содержат в себе - минус! Из них можно вылепить бабу! Ими можно драться! Когда они очень маленькие, они с одного боку неоформленные, когда они огромны, они рушатся в полете. Они хрустят, как хворост! По ним можно стремиться к концу жизни! Они висят клоками на суках пушкинских берез! Под ними можно спать до весны! Им подражают! Их ловят горячечными руками! От них укрываются шапками! Они располагают то к белой водке, то к красному огню! Они только что родились! Они убили динозавров! Они искусственны! Они на самом краю видимого мира! Их подлинность не вызывает сомнения! Они летают! Их вырезают из салфеток в декабре месяце! Они снятся летом одаренным детям! Наконец, их можно выращивать в самом пекле души и пускать на холодную волю.

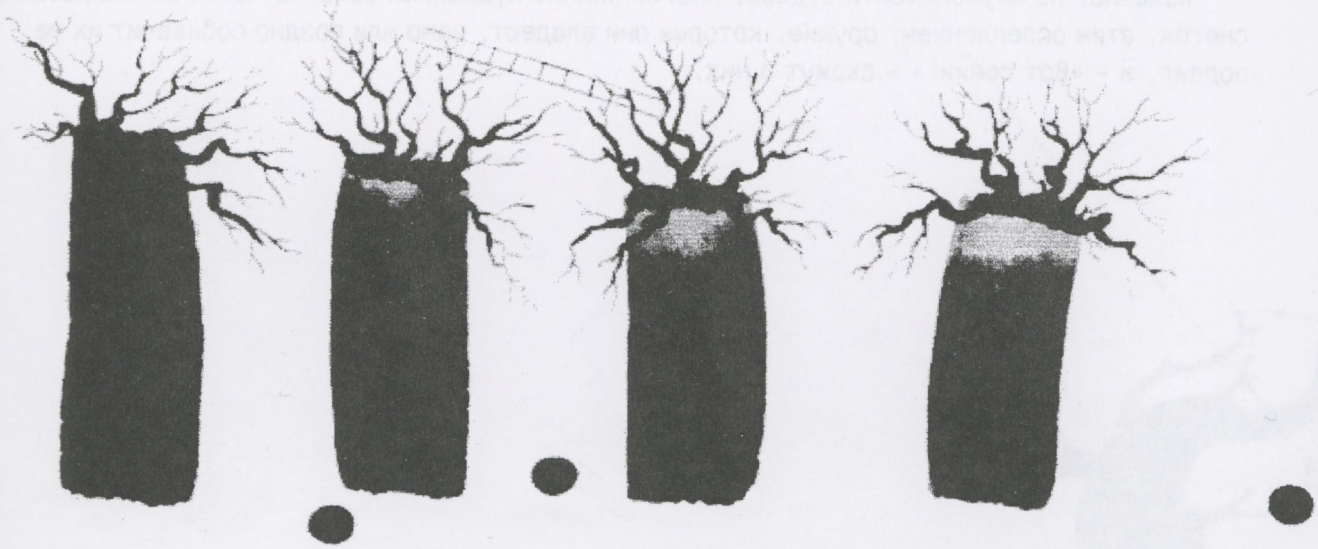


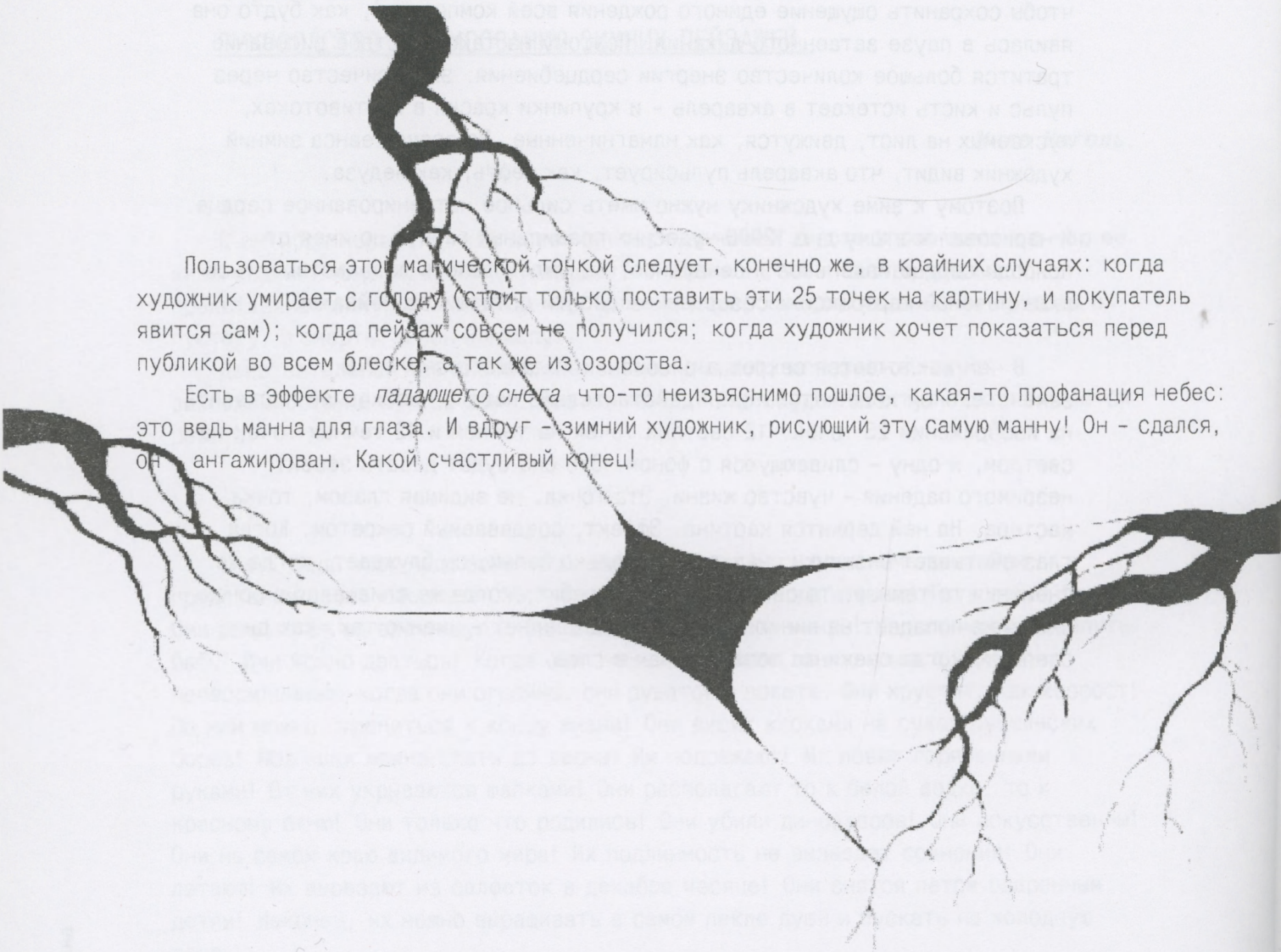
Иллюстрации в тексте Сергея Спирихина

Чтобы нарисовать зимний пейзаж величиной с ладонь, мастеру необходимо сделать ровно полторы тысячи ударов кистью. Пейзаж из одной тысячи ударов может казаться несовершенным, пейзаж двух тысяч ударов будет неумелым. Эти полторы тысячи мазков необходимо сделать за 15-40 минут, чтобы сохранить ощущение единого рождения всей композиции, как будто она явилась в паузе затаенного дыхания. Поэтому на такое быстрое рисование тратится большое количество энергии сердцебиения: электричество через пульс и кисть истекает в акварель - и крупинки краски в противотоках, пускаемых на лист, движутся, как намагниченные. Во время сеанса зимний художник видит, что акварель пульсирует, как нефть, как медуза.

Поэтому к зиме художнику нужно иметь сильное натренированное сердце. Я нарисовал к этому дню 12000 чудесных правильных работ, но имея от природы сердце маленькое и печальное, вынужден теперь довольствоваться лишь печеной картошкой и созерцанием десяти оставшихся пейзажей.

В чем заключается секрет в рисовании *падающего снега*? В замечательном ходе: чтобы снег действительно падал, необходимо поставить на изображении 25 точек: 12 светлых точек на темном и 12 темных точек на светлом, и одну - сливающуюся с фоном. Это она будет давать эффект незримого падения - чувство жизни. Эта точка, не видимая глазом, точка мастера. На ней держится картина. Эффект, создаваемый секретом. Когда глаз считывает снежинки, написанные только белым, он блуждает; когда же снежинки то темные, то светлые, - в нем рябит; когда же слившаяся с фоном снежинка попадает на линию зрения - глаз слепнет - именно так, как он слепнет, когда снежинка попадает нам в глаз.





Пользоваться этой магической точкой следует, конечно же, в крайних случаях: когда художник умирает с голоду (стоит только поставить эти 25 точек на картину, и покупатель явится сам); когда пейзаж совсем не получился; когда художник хочет показаться перед публикой во всем блеске, а так же из озорства.

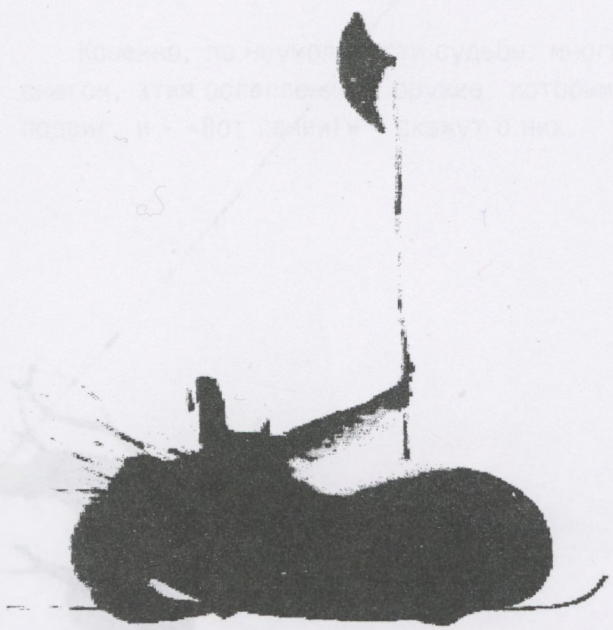
Есть в эффекте *падающего снега* что-то неизъяснимо пошлое, какая-то профанация небес: это ведь манна для глаза. И вдруг - зимний художник, рисующий эту самую манну! Он - сдался, он - ангажирован. Какой счастливый конец!

Конечно, по неумолимости судьбы, многие зимние художники закончат этим ангажированным снегом, этим ослеплением: оружие, которым они владеют, рано или поздно соблазнит их на подвиг, и - «Вот гении!» - скажут о них.

Рисование Луны. Рисовать Луну или не рисовать каждый художник решает сам в силу своей наивности. Нарисованная Луна всегда сообщает пейзажу некоторую опереточность - и поэтому все в нем как бы начинает петь громкими голосами. Пейзаж разоблачает себя: подлунный мир лишается самостоятельности - он *освещен луной,* которая существует непонятно где, непонятно как и непонятно по какому праву. Луна *висит* ! Висящая в воздухе Луна смущает созерцающий ум, делает его беспокойным и задумчивым. Глаз уже не верит пейзажу как пейзажу, глаз совращен, он мыслит, ему мнится на Луне иная жизнь, иные просторы, причудливые кактусы, шестикрылые серафимы. Нарисованный кружочек Луны способен увести зрителя в ничтожную потусторонность. Поэтому на рисование Луны необходимо всякий раз получать разрешение от своего гения: достаточно ли зрел твой пейзаж, чтобы взошедшая Луна не свела его с ума?

В отличие от символа птицы рыб на картине нельзя рисовать ни в коем случае ни под каким видом: особенно под видом кругов на воде. Ничего невидимого! Даже дупла, откуда мог бы глядеть невеселый зверь. Мир зимнего художника есть плоскость - и ничто не скрывается за этой чарующей видимостью: разве что *плоскость стены* .

Точно также запрещено рисовать следы на снегу: ни птичьи, ни рысьи, ни, тем более, следы от валенок или лыж. Одушевляя картину таким образом можно добиться только обратного эффекта: если кто-то прошел ногами по пейзажу. Значит теперь он совершенно неинтересен. Другое дело - занесенная метелью дорога: она теперь ничья, она потеряна, здесь нет разрушительного воздействия чужого индивидуального я. Следы на снегу от ветра или от солнца можно сделать сухой кистью - и это будет замечательно и правдоподобно.



Около воды хорошо смотрятся коряги. Они рисуются иссиня-черной краской и представляют собой самое темное пятно картины. Когда рисуешь эту корягу, то на нее надо смотреть как бы боковым зрением, вскользь, чтобы рука рисовала ее как бы в полуслепую, в бреду, - отчего, в свою очередь, зритель, созерцая картинку, не сможет ясно увидеть эту маргинальную корягу, но неосознаваемая сторона видения его будет *чем-то задета*. Он будет с любопытством изучать пейзаж, может быть всю свою оставшуюся жизнь, но всегда в полусне написанная коряга будет приводить любопытствующий глаз в транс. Но нельзя пытаться писать всю картину в гипнотическом состоянии: вместо шедевра вы произведете хаос, причиняющий вам боль. Корягу рисуй на первом плане в углу, чтобы она отводила взгляд по диагонали вдаль.

К этой маргинальной коряге двумя ударами кисточки можно привязать инфернальную лодку. Балансирующая на грани снега и полоски незамерзшей воды, она является сильным мотивом. Вообще, зимний пейзаж, треснувший посередине дугой реки, может возбудить самые неожиданные желания. Такие пейзажи долго не залеживаются. Магия вскрытых вод, манящая глубина, которая просит себя измерить, испытать, и приглашающая на эту мучительную прогулку лодка с круто загнутым боком, все это способно спугнуть нашу летейскую чувственность, если бы не страсть к а-летейе. Если видишь лодку, в нее надо садиться и бить веслом.

Река течет по наклонной плоскости и задает зрителю направление времени: он сам решает - от центра или к центру зимы. Одновременно она определяет горизонталь среди неопределенности снегов, и с нею уровень океана. Ведь снег упал с огромной высоты, он, так сказать, с неба - и теперь плоская земля превратилась в небесную (зима подняла землю на небо, как писали старые живописцы). Но уровень Ледовитого Океана остался - и трещина реки открывает нам, забывшимся, горизонт того лета, где кончается всякая долгая зима.

20

Если нарисовать на дереве колесо или, хуже того, висельника, то пейзаж твой будет претенциозен. Волки, сидящие под деревьями, также могут вызвать у зрителя непроизвольный смех. Наоборот, летящая закорючка птицы дает иллюзию присутствия живого существа, однако же без узнавания его по виду. Птица также нужна для продвижения взгляда в глубину неба и является как бы точкой отсчета всей композиции. Но начинать пейзаж нужно еще не думая о птице, она появится там, когда уже все готово. Такая последовательность тем более является законом для рисовальщика, что нарисованный жест птицы должен быть соразмерен пространству неба: то есть, размах крыльев здесь пропорционален замаху на Ничто.

Но ни в коем случае нельзя рисовать стаю птиц, так как сумма крыльев перечеркнет полноту пространства. Птицы же летящие косяком вообще способны убить всякую мысль о полете.

Птица, дремлющая на коряге, может быть пририсована в качестве забавы, но никогда не рисуй птицу, сидящую на суку дерева. Это дурной вкус.

Работа должна быть ограждена от возможности причинить зрителю вред. Поэтому в ней должен присутствовать элемент слабого безобразия: это может быть страшноватая коряга, а может быть диссонанс красок, незавершенный кусок неба, рамка с сучком. Это легкое несовершенство в одном из пунктов - эти милые слабости и крошечные дикости - дают отлученному от процесса произведения зрителю шанс выиграть противостояние перед картиной. В нашем случае это слабое место - зима. «А, Зима, - скажет зевака. - Это всего лишь Зима!» Ему стоит только подышать перед собой сладким паром - и зимний пейзаж погиб.

И только после этой процедуры усомнения, он может позволить себе *бесконечно любоваться*.

1997